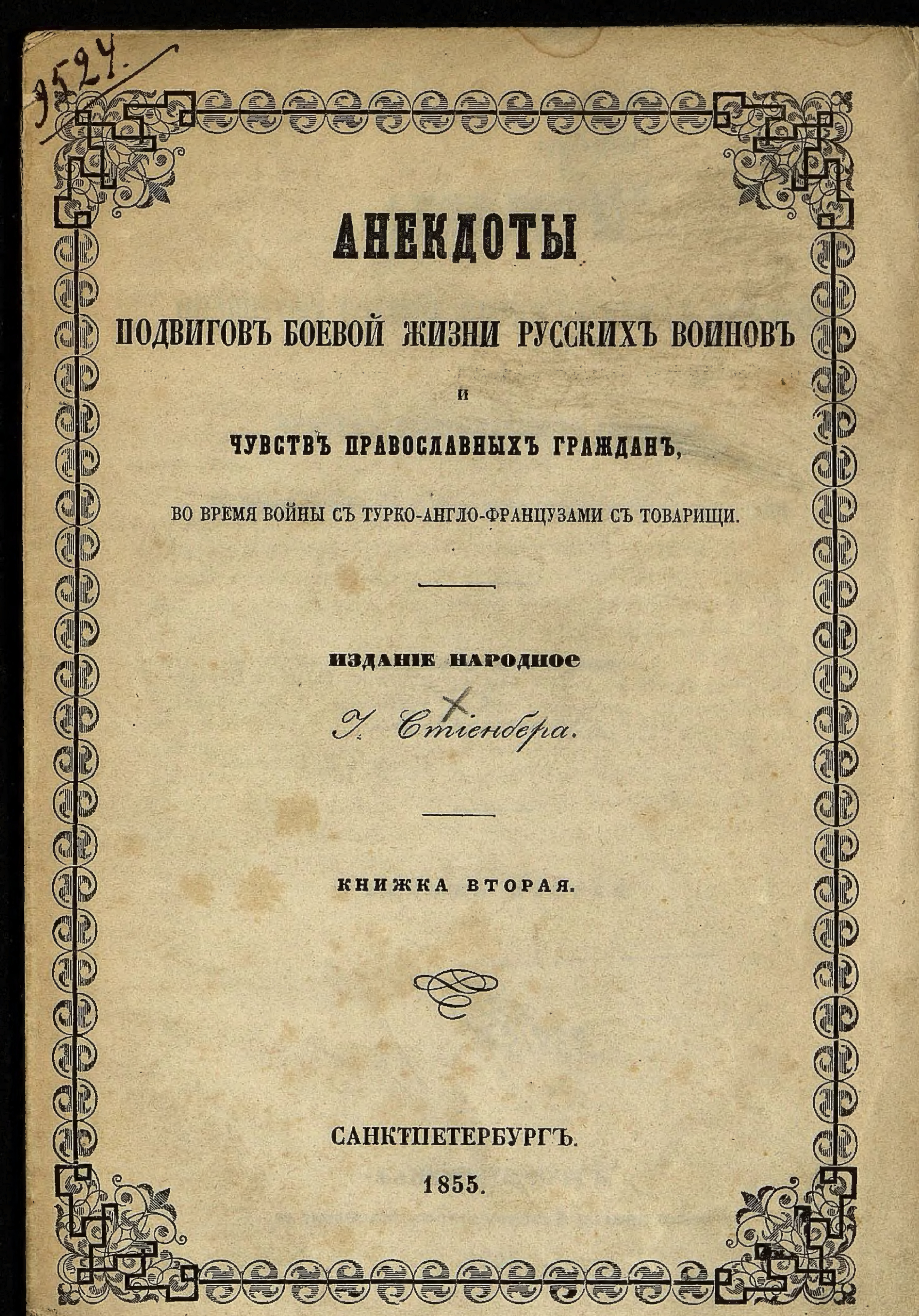

АНЕКДОТЫ

ПОДВИГОВЪ БОЕВОЙ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ

И

ЧУВСТВЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ГРАЖДАНЪ,

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СЪ ТУРКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ СЪ ТОВАРИЩИ.

ИЗДАНІЕ НАРОДНОЕ

Э. Стiенберга.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

Оик необр нар. изд.

2-й

АНЕКДОТЫ

ПОДВИГОВЪ БОЕВОЙ ЖИЗНИ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ

И

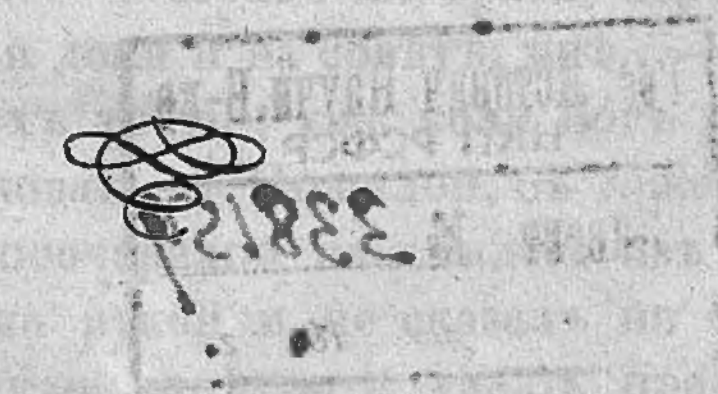
ЧУВСТВЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ГРАЖДАНЪ,

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ СЪ ТУРКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ СЪ ТОВАРИЩИ.

ИЗДАНІЕ НАРОДНОЕ

Г. Стіенбера.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 21 Октября 1855 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

РЕКРУТЧИНА.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1854 года, по дорогѣ въ городъ Бѣжецкъ, проѣзжій господинъ остановился ночевать въ одномъ селеніи. Это было въ самый разгаръ пріема въ рекруты, и оттого постоялый дворъ былъ полонъ ими: одни ѣхали въ Бѣжецкъ на *ставку*, съ отцами, матерями и женами, другіе возвращались оттуда. Страшный шумъ, оглушительный говоръ, пѣсни и т. п., вотъ что̀ поразило его при входѣ въ избу. Оглядѣвшись, онъ могъ замѣтить, что почти всѣ были раздѣлены на группы и въ каждой свое: гдѣ разговоръ, гдѣ угощаются, гдѣ круговая пѣсня, а гдѣ подъ ладъ къ ней и слезы... Подходитъ къ одной группѣ. Въ заднемъ углу, въ полусвѣтѣ, сидѣлъ довольно-пожилой крестьянинъ; рядомъ съ нимъ сидѣли трое молодыхъ крестьянъ. Между молодыми шелъ разговоръ не громкій, но довольно живой. «А что ни говори, батюшка неправо разсудилъ, мнѣ бы надо...» — Полно же братъ, перебилъ его другой, баялъ я тебѣ и дома и на совѣтѣ, мнѣ...— «Вы все толкуете, прервалъ ихъ третій, ужь коли Богъ разсудилъ, такъ что тутъ толковать...» Пожилой, съ тяжелымъ раздумьемъ смотрѣвшій поочередно на каждаго изъ говорившихъ, махнулъ только рукой и не сказалъ ни слова. Любопытство подстрекнуло проѣзжаго узнать предметъ ихъ спора, и онъ спросилъ пожилаго, въ чемъ дѣло. Вотъ его отвѣтъ слово въ слово: «Кормилецъ, не могу управиться съ ребятами, это вишь мои дѣти.... Объявилась рекрутчина; дѣло-то Божье да Царское, повинность нужно исправить, какъ есть. Ребята у меня всѣ до единаго послуш-

ливые, работящіе, не гуляки; ну, добрые ребята и всѣ трое равны какъ для меня, такъ и для старухи моей. Во, родной ты мой, какъ потребовали насъ на совѣтъ, я помолился Богу и молвилъ ребятамъ: вы всѣ у меня равны, поѣдемъ-те къ жеребью, ужь кого Богъ изберетъ. — А тутъ и бухъ мнѣ въ ноги старшой да и молвитъ: ни-ни, родимой, на что жеребій, ужь благослови ты меня; я повозрастнѣе ихъ, они почитай что изъ ребятъ только выходятъ, я и дома пожилъ, и тебѣ послужилъ, послужу и Батюшкѣ Царю.... Я еще и слова не промолвилъ ему, какъ подошелъ второй, бухъ тожь въ ноги да и молвитъ: не слушай родной брата, ишь онъ не дѣло выдумалъ; у него жена да двое малолѣтокъ, ну какъ ему идти въ солдаты; вотъ я другое дѣло; у меня только жена; ну вѣдаю, вы не покините ее, а меня благослови послужить Батюшкѣ Царю.... Ну вотъ, кормилецъ, и стоятъ оба; а къ нимъ въ рядъ и третій и тутъ рѣчь молвилъ: иду за братьевъ охотой; они женные, а я нѣтъ, — такъ лишняго горя и не оставлю по себѣ... Ну что дѣлать? Встаньте, ребята, сказалъ я, киньте жеребій здѣсь, ужъ кому достанется, такъ и конецъ; послѣ чтобъ не спорить. И кинули, кормилецъ, и довелось меньшому, ну и поѣхали на совѣтъ. А тутъ, глянь, опять заспорили. Стою я и жду, когда чередъ дойдетъ до моей семьи; ребята-то поотошли; ну, думаю, пошли проститься съ знамыми, анъ нѣтъ; слышу зовутъ меня на совѣтъ и не въ чередъ. Вошелъ и чтожъ? всѣ трое стоятъ на колѣняхъ передъ головой да и добиваются каждый идти охотой за братьевъ. Ужъ мнѣ тутъ не въ могоду пришло; только я и молвилъ: дайте жеребій. Ну дали, и опять таки довелось меньшому. Ну чего бы толковать еще? А все вотъ и теперь спорятъ да добиваются идти охотой одинъ за другаго, ну что съ ними станешь дѣлать?» — А вотъ что я думаю, отвѣчалъ ему проѣзжій, благослови того, кого самъ Богъ избралъ: онъ будетъ лучшій слуга Царю; хоть они и всѣ у тебя добрые ребята, да у всякаго свой талантъ, а Богъ даетъ и службу и дѣло по талантамъ. — «Такъ, такъ, кормилецъ, такъ я и сдѣлаю.» — А что, спросилъ его Г-нъ, еслибъ Царь потребовалъ у тебя другаго сына? Ну, штожь, вѣдомо кормилецъ, воля Царская, и

третьяго и меня, старика, потребуетъ, такъ пойдемъ; животы есть, хлѣба вдоволь, такъ бабы и прокормятся, а тамъ може и воротится который;... Пойдемъ, кормилецъ, добавилъ онъ, подумавъ нѣсколько, какъ не пойти служить Батюшкѣ-Царю, а теперь куда ему солдатики нужны, ишь ихъ, проклятыхъ, подняло сколько....» Въ Бѣжецкѣ узналъ проѣзжій господинъ, что братья въ присутствіи пріема повторили то же, что́ сдѣлали дома и на совѣтѣ; еще разъ данъ былъ имъ жеребій, который достался меньшому, и онъ поступилъ въ рекруты. Въ противоположномъ углу слышался споръ и довольно-горячій. Онъ происходилъ между старухой, которая сидѣла на лавкѣ, и молодымъ, довольно-пьянымъ крестьяниномъ, который стоялъ, покачиваясь, передъ нею и у котораго выстриженный затылокъ показывалъ, что онъ былъ уже на ставкѣ. Къ ихъ спору прислушивались двое крестьянъ немолодыхъ и весьма-почтенныхъ по виду; они не вмѣшивались въ споръ; но видно, что онъ сильно занималъ ихъ. «Эхъ, непрокой, говорила старуха, нашелъ чѣмъ хвастать, что отлынялъ....; и видно, что непрокой, по одеженкѣ видно; смотряй и ту пропьетъ, по подоконьямъ пойдетъ. — Ври, ври, отвѣчалъ онъ; небось сама съ радостью ѣдешь? Постой, взревешь, какъ возьмутъ сына; позавидуешь и мнѣ.... — «Нешто, позавидовала; оно и есть чему; вѣстимо дѣло, поплачешь, — какъ не поплакать? — и горько; другое дѣло, кабы они были пьяницы да оборванцы, какъ ты, такъ и плакать-то бы не стала, худа трава изъ поля вонъ; пьяница матери не кормилецъ, да чай пьяница и въ солдатахъ-то будетъ неугожъ.... Вишь ты, осталась я послѣ мужа съ пятерми ребятишками, двумя сыновьями, одинъ по пятому, другой по третьему году, — а то все дывки; вспоила, вскормила ихъ, Богъ вѣдаетъ какъ, а сыновъ и грамотѣ выучила; да и дождалась-таки радости, вышли ребята на завидность другимъ, и долю взяли, и скотомъ и хлѣбомъ-таки развелись, и дѣвокъ поразотдали; а тутъ большаго я и отпустила въ Питеръ, и тамъ онъ не пропалъ: деньжонокъ поналилъ да дворину на нихъ устроилъ; а меньшой-то все домомъ правилъ: вотъ вишь, такихъ ребятъ и вчужѣ жаль, не то, что матери родной; и толковали намъ, похлопочи,

авось какъ-нибудь, — а я и вздумала: какъ сдѣлаемъ дѣло неугожее, да Богъ за то накажетъ, али помрутъ ребята, али взбалуются, такъ будетъ негоже; и не пошла никуда, и повезла своихъ родимыхъ.... Вишь ты, какъ Богъ дастъ талантъ, такъ и одинъ прокормитъ меня; а отниметъ Богъ умъ да разумъ, такъ и отъ двоихъ пойдешь по чужимъ угламъ на горе да на срамъ...» Не по нраву видно была рѣчь старухи ея собесѣднику; онъ отвернулся и хотѣлъ идти прочь. «Что, Васюха, сказалъ тогда одинъ изъ слушавшихъ крестьянъ, куда бѣжишь, али выпить еще? Чай старуха-то не дѣло говорила? Ужъ прикрылъ бы ты свою голову, баяли и мы тебѣ; хоть бы далъ вздохнуть батькѣ съ женой, да куда-те? останется другой... Вѣдь что у тебя есть? Домишка, пустой какъ лукошко: хлѣба не бывало, а повинности всѣ стоятъ; и пойдешь, куда не слѣдъ, и угодишь туда, откуда не воротишься, право слово такъ; вона и теперь, пьешь почитай мѣсяцъ, а на что? гдѣ взялъ?...» Но Васюха не дослушалъ, забормоталъ: «старый...», бросился вонъ изъ избы и ужъ не показывался больше. Баринъ пріѣхалъ въ Бѣжецкъ; ему захотѣлось взглянуть на крестьянъ, уже поступившихъ въ рекруты, и онъ отправился въ соборъ, гдѣ приводили ихъ къ присягѣ. Здѣсь ихъ собрано было человѣкъ до сорока. По окончаніи присяги они вышли изъ собора, помолились и всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Ура!» умремъ за Батюшку Царя!...

(*Спб. В.*)

Случаи изъ кавказской боевой жизни.

Для чего понадобилась перевязка.

Во-время сраженія 24-го іюля 1854 года, рядовой 9-й фузелерной роты Гренадерскаго полка *Нахримовъ*, раненный пулею въ лобъ, наклонивъ голову, засунулъ руку въ карманъ. —«Что ты, братъ, пули ищешь, что ли? спросилъ его рядовой *Толстыхъ*;—ударила въ лобъ, а въ карманѣ ее ищешь! —«Пулю-то я нашелъ, отвѣчалъ Нахримовъ, а въ карманѣ ищу бинтъ и тряпицы, перевязать рану, а то кровь льется по глазамъ и мѣшаетъ враговъ различать, какъ-бы

второпяхъ въ инаго Турка лишній разъ не пырнуть штыкомъ.» — Правда, замѣтилъ рядовой *Лудниковъ*, давай завяжемъ, — тутъ столько натолпилось враговъ, что не надо одного колоть два раза, а наровить, какъ-бы заразъ двухъ задѣть. Только проклятые разбрелись по всей степи, никакъ ихъ въ кучу не загонишь. — И перевязавъ наскоро рану, три гренадера побѣжали преслѣдовать бѣгущаго врага.

Послѣдній выстрѣлъ.

Въ томъ-же сраженіи, 4-й фузелерной роты того же полка, Петръ *Прокофьевъ*, въ жару боя не слыхалъ, какъ его ранили пулею въ плечо; онъ стоялъ и торопливо заряжалъ ружье, когда командиръ той роты, увидѣвъ, что у него изъ плеча льется кровь, приказалъ ему идти на перевязочный пунктъ. «Слушаю, Ваше Благородіе, отвѣчалъ Прокофьевъ, только позвольте разрядить на Туркѣ штуцеръ,» и побѣжавъ впередъ, выстрѣлилъ въ непріятельскаго офицера, который палъ мертвый на землю.—Ну, теперь можно идти и на перевязку, сказалъ спокойно Прокофьевъ.

Защитники знамени.

Во-время рукопашной битвы 2-го баталіона гренадеръ съ непріятельскими баталіонами, турецкій офицеръ бросился было верхомъ къ баталіонному знамени; но стоявшіе въ знаменныхъ рядахъ фельдфебель гренадерской роты Антипъ *Ефимовъ* и унтеръ-офицеръ Федосѣй *Черненкій* закричали ему: «Ну, любезный Турка, не дожить тебѣ до этого! не слѣдъ тебѣ на святой крестъ тянуться!» И гренадеры штыками сняли дерзкаго съ лошади.

Завтракъ съ врагомъ.

Въ рукопашной битвѣ 24-го іюля, когда 1-й баталіонъ гренадеръ, опрокинувъ штыками густыя колонны непріятеля, погналъ его и преслѣдовалъ, рядовой 3-й фузелерной роты Тимофей *Велигусъ*, раненный въ ногу, сидѣлъ на землѣ; въ двухъ шагахъ отъ него лежалъ въ изнеможеніи раненный Турокъ. Замѣтно было, что еще недавно между ними была жестокая борьба на смерть; теперь они, казалось, забыли о томъ. Велигусъ, доставъ изъ сумки сухарь, усердно грызъ его; тогда раненный Турокъ весьма понятными жестами выразилъ, что чувствуетъ голодъ. «А!

сказалъ Велигусъ, проголодался бѣдный, ладно, позавтракаемъ,» и онъ далъ ему сухарей.

Что рана? что контузія?

При началѣ сраженія 24-го іюля, когда фланговая непріятельская баттарея открыла сильный огонь по баталіонамъ Гренадерскаго полка, рядовому 3-й фузелерной роты Потапу *Пакуну* ядромъ перебило ногу; стоявшій въ то время около него рядовой Ларіонъ *Данилюкъ*, желая его утѣшить, сказалъ: «Ничего, братъ, это только контузія.» — Да, контузія, отвѣчалъ раненный, а какая же по твоему бываетъ рана? — «Да вотъ, напримѣръ, оторветъ кому голову», отвѣчалъ послѣдній усмѣхнувшись. Въ это время ядро размозжило Данилюку голову. Пакунъ приподнялся, съ состраданіемъ посмотрѣлъ на убитаго, и проговорилъ: Правда, что у меня контузія; а вотъ его такъ ужъ точно ранили.

Послѣднее ура.

Въ сраженіи 24-го іюля, рядовой Его Высочества роты Николай *Нищевъ* былъ сильно раненъ ядромъ въ правую ногу ниже колѣна; вся кость была раздроблена. Страдая отъ ужасной раны, Нищевъ лежалъ на землѣ. Послѣ рукопашнаго боя, Турки были опрокинуты. Въ это время мимо раненнаго проходили той же роты унтеръ-офицеръ *Володинъ* и рядовой *Скуловъ*. Нищевъ, привставъ на колѣни, закричалъ имъ: «Братцы! скажите пожалуйста, чья беретъ?» — Вставай, братъ, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ Володинъ, наши погнали Турокъ по затылку въ Карсъ. «Эхъ, жаль, братцы! что я безъ ноги, сказалъ грустно Нищевъ, не могу гнать съ товарищами Турокъ; спасибо вамъ, что порадовали меня хорошей вѣстью; за это я при концѣ жизни моей закричу въ послѣдній разъ для Батюшки-Царя три раза: ура! ура! ура!» Нищевъ дѣйствительно изъ всѣхъ силъ три раза крикнулъ ура, но ослабѣвъ отъ напряженія, безъ чувствъ упалъ на землю. Его перенесли на перевязочный пунктъ, гдѣ онъ чрезъ полчаса умеръ.

(*Рус. Инв., Сѣв. Пч., Кавк. и СПб. П. В.*)

Цѣна **10** *коп. сер.*